

ИСПОЛНЕНИЕ. моноспектаклей, в частности «Диалогов» А. С. Пушкина, и общие размышления о современной сцене привели меня к тому, что постепенно стала формулироваться идея, кажется, давно уже носившаяся в воздухе. Нам необходим театр, в котором всегда, я подчеркиваю, всегда, зритель мог бы увидеть «Бориса Годунова», «Маленькие трагедии», «Русалку», «Сцены из рыцарских времен» и другие создания поэта в исполнении подготовленных «пушкинских» артистов, спектакли на основе прозы и поэзии А. С. Пушкина, поставленные по законам пушкинской драматургии...

До сих пор приходится слышать о том, что драматургия Пушкина — это «театр для чтения», что она не сценична и так далее. Мне казалось и кажется, что проблема перевернута с ног на голову: не Пушкин не «сценичен», а театр не «пушкинизирован»; что именно в наше время новым и вполне конкретным смыслом наполняется пушкинская формула: «Дух века требует важных перемен и на сцене драматической». Глубоко убежден, что важнейшие сдвиги в теории и практике современного театра связаны прежде всего с проблемой пушкинского спектакля.

У англичан давно существует Мемориальный Шекспировский театр, и со школьной скамьи английского актера учат не только общим законам сцены, но и тому, как играть Шекспира. Драматическая система Пушкина до тех пор останется недостижимой, пока коллектив Мемориального Пушкинского театра (назовем его условно так) не начнет систематической целенаправленной работы над ней и не сделает эту работу целью и смыслом своего существования...

Эти и другие сопутствующие им соображения я впервые высказал десять лет назад на XXIV традиционной пушкинской конференции в Институте русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР, где они получили поддержку ученых-пушкинистов. В том же 1976 году о необходимости пушкинского театра я говорил с корреспондентом ленинградской молодежной газеты, и в один из дней, предшествующих пушкинскому празднику поэзии, интервью было опубликовано...

Нужно сказать, что отклик в городе был единодушным. В редакцию и мне на адрес Большого драматического театра писали зрители — рабочие, студенты, библиотекари, школьники, пенсионеры. Особенно воодушевились школьные учителя: «Мы, учителя литературы средней школы № 1 Ленинграда, считаем: Мемориальный Пушкинский театр ну-

жен и школе. Мы хотим, чтобы наши ученики увидели пушкинские пьесы, поставленные с бережным отношением к тексту, в точном согласовании с пушкинскими ремарками. Галченко, Завалищева, Кареева». «Хочется увидеть на сцене пушкинские произведения, услышать пушкинское слово. Директор школы № 482 Я. Азаркина»...

Идея была поддержана, и я почувствовал себя ответственным хотя бы за то, чтобы совершить первый шаг по пути ее воплощения. Таким шагом могла стать пушкинская студия.

Лекционный зал литературно-мемориального музея-квартиры Ф. М. Достоевского был предназначен для проведения научных конференций и демонстраций фильмов. Выглядел он современно и уютно, но для

ведущая к запасной пожарной двери во двор. Расчистив ее, мы превратили эту щель в гримбуорную.

...Наступил день «сдачи» первого «пушкинского спектакля» студии расширенному художественному совету, на который были приглашены журналисты, писатели, музейные работники, пушкинисты. Обсуждение прежде всего выяснило не то, каких высот достиг новорожденный и малоопытный коллектив, а то, каким долгожданным и насущно необходимым показалось для собравшихся само обращение к драматургии Пушкина, сама идея пушкинского театра.

Нас горячо поддержали тогдашний ученый секретарь Пушкинского дома С. А. Фомичев, писатели Н. Я. Эйдеман, Я. А. Горди, директор Всесоюзного музея А. С. Пушкина

го наводнения, вполне достаточного, впрочем, для нашего «подвала». И станки, и костюмы, хранившиеся в сундуках, и реквизит, и паркетный пол в зале были основательно испорчены. Вместе с работниками музея мы, как могли, боролись со стихией, но с этого момента печальные предчувствия уже не покидали нас. В новых условиях дирекция Ленконцерта не разрешила нам и думать об обновлении постановочной части...

Кроме организационно-технических, накопились в студии и внутренние трудности. Для части наших артистов любой театр казался землей обетованной, которую судьба им не дала, и студию они воспринимали как преддверие театра, его модель или заместитель. Их больше устроила бы четкая плановая работа с возможно

благодаря великолепным акустическим свойствам их актовый зал в здании бывшего Петербургского кредитного общества (площадь Островского, 7), который пустует и в субботу, и в воскресенье, и каждый вечер в будние дни, этот зал, напоминающий Ленинградскую капеллу, в прежние времена использовался и по назначению: в нем устраивались представления и концерты...

Мне было позволено осмотреть зрительные залы на углу Невского и Литейного (какое место для театра!), где размещен железнодорожный музей, тоже, кстати, всегда свободный по вечерам и выходным; залы в доме Руадзе на углу Большой Морской и Кирпичного переулка, в бывшей гостинице Демута, где жил А. С. Пушкин. Познавательное знание имели мои экскурсии по

воить и развить который — дело следующего этапа. Им, на мой взгляд, должно было бы явиться создание Мемориального Пушкинского театра, художественного организма, взятого под опеку не одной, хотя бы и мощной организацией, а городом или страной. Быть может, это тот случай, когда к созданию нового театрального дела следует подойти не ведомственно или регионально, а государственно. Ведь признав перспективным то или иное научное направление в физике или математике, мы создаем для их развития целые институты, не требуя от разрабатывающих новую теорию ученых немедленной отдачи и практической пользы.

Между тем вместе с теоретической перспективой именно Мемориальный Пушкинский те-

ны уже началась, самое время решить вопрос о создании Мемориального Пушкинского театра.

К сожалению, у некоторых должностных лиц уже срабатывает стереотип: «Вы, режиссер и актеры, создавайте репертуар (то есть снова — самодельность и энтузиазм), а мы, управленцы, подождем и посмотрим, что с этим делать; такие прецеденты есть, других мы не знаем». Между тем в случае с Мемориальным Пушкинским театром, по моему глубокому убеждению, должен быть выбран путь особый: концентрация общих усилий, участие в его рождении таких государственных и общественных организаций, как Министерство культуры СССР, Союз советских писателей, недавно учрежденные Союз театральных деятелей и Фонд культуры СССР.

Подготовка к открытию такого театра должна вестись одновременно по нескольким направлениям: поиски и доводка помещения (оно должно быть связано с биографией А. С. Пушкина); выделение фондов и штатного расписания; объявление актерского конкурса с тем, чтобы штат на основе договорной системы был укомплектован мастерами и молодежью, идущими к Пушкину по призванию (что не исключает привлечения к работе «гастролеров» и постановщиков из других театров); предоставление новому коллективу годового учебно-репетиционного периода для создания двух или трех спектаклей, которыми театр откроется...

Таким образом, в первый период театр должен опираться на дотацию. В дальнейшем, имея в виду огромную любовь нашего народа к Пушкину, спектакли Мемориального театра могли бы быть включены в программу Всесоюзной пушкинской экскурсии (как это происходит, например, в Стратфорде-на-Эйвоне, в родине Шекспира, где осуществляет свою деятельность Мемориальный Шекспировский театр) и идти ежевечерне. При соответствующем развитии и умелой организации дела Мемориальный театр мог бы ежегодно гастролировать вблизи пушкинских заповедников — во Пскове, Горьком, Калинин. В любом случае этот театр очень скоро финансово преуспел бы.

Но каковы бы ни были материальные успехи, они несопоставимы с той культурной и нравственной «прибылью», которую принес бы нашему обществу Мемориальный Пушкинский театр, с той научной и художественной перспективой, которую он открыл бы.

Владимир РЕЦЕПТЕР

Вест. Ленинград, 1987/19 авг.

Дорога к пушкинскому театру

СТАВИТСЯ ВАЖНЫЙ ВОПРОС

того, чтобы приспособить его для спектаклей, необходимо было провести большую работу. Где разместить регулятор, как крепить проектор, какими должны быть станки, с помощью которых можно хотя бы на один метр расширить сценическую площадку и строить мизансцены на разных уровнях; как наладить официальные отношения музея и Ленконцерта, утвердить расценки билетов, устроить «совместительство» для гардеробщиков и уборщиц (многое взяли на себя сами студийцы) — таков был самый первый круг возникавших одна за другой организационных проблем.

Кроме того, для готовящейся премьеры нужно было заказать большие фотофрагменты пушкинской рукописи, натянуть их на подрамники и вывесить в зале по левой стороне от зрителей, так, чтобы не вызывать нареканий со стороны архитекторов и пожарных. Пора было шить костюмы по эскизам Андрея Вагина и записывать музыку Марата Камиллова...

В помощь мне был прикреплен молодой администратор Ленконцерта Сергей Монахов. К нам был прикомандирован еще один штатный работник — Георгий Еличев, одновременно радист, осветитель, рабочий сцены и костюмер.

Рядом со зрительным залом в подвале было еще одно помещение без окон, где хранилась часть музейной библиотеки. Этот темный чулан был сплошь заставлен старыми шкафами, свободной оставалась только узкая, немного больше метра в ширину, щель,

М. И. Петай, академик М. П. Алексеев и другие...

Итак, состоялась премьера, и около шести лет студийное суденышко было на плаву. Мы играли восемь-двенадцать пушкинских спектаклей в месяц.

Расширили свой репертуар, выпустили спектакли по произведениям Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого. В них принимали участие И. Краско, Г. Волкова, А. Захаров, Л. Чурсина, Л. Киракосян, М. Казакова, Т. Вемян, Г. Ниголь, Т. Мчедлидзе, С. Гришанова, А. Егоров, И. Заблудовский, Ю. Мироненко, В. Юшков, Ю. Каменев, включились в работу режиссеры В. Голиков и Р. Сирота.

Но вот стали набирать силу организационные препятствия. В Ленконцерт поступили новые инструкции, урезывались фонды на внештатных артистов, жестко повысились требования рентабельности. И действительно, о какой рентабельности может идти речь, если аншлаги в стоиместном зале приносят всего 150 рублей выручки, которой не покрыть расходов на аренду, рекламу, зарплату двум штатным работникам и одновременный гонорар двенадцати-четырнадцати разовым артистам! Чтобы выходить на большие залы, нужно было не только менять «декорацию», но и перестраивать всю нашу технологию и направленность в сторону эстрады. Приходилось слушать и обезоруживающие аргументы типа: «У вас все «внештатники», а нам своих кормить надо».

В это же время на нас обрушилось и настоящее стихийное бедствие в виде небольшо-

го количеством премьер. Но, имея дело с пушкинской драматургией, нужно было запастись терпением и упорством, каждый новый шаг давался на этом пути лишь после продолжительной «осады» текста, методом бесконечных проб и ошибок. И только когда спектакли перестали идти, мы все осознали до конца, что для нас значила пушкинская студия...

Я заметался по городу в поисках выхода, посещая различные присутствия и просматривая подходящие — и в творческом отношении, и в смысле рентабельности — помещения. Описания встреч с должностными лицами, осмотров всевозможных залов и дипломатических переговоров по поводу этих осмотров, в которых заново изложенная идея Мемориального Пушкинского театра единодушно и горячо приветствовалась, но разведенные в сторону руки моих собеседников свидетельствовали об их личном бессилии то или другое обстоятельство преодолеть, могли бы составить печальный петербургский роман.

Стоит упомянуть, например, встречу с замечательным человеком и ученым, директором Эрмитажа Б. Б. Пиотровским, который искренне сетовал на то, как невыносимо медленно продвигается ремонт уникального Эрмитажного театра. Этот театр, давно уже закрытый для эксплуатации, конечно же, был бы рад принять под свою крышу пушкинскую студию...

Руководители Ленметростроя с большим интересом выслушали мое сообщение о том, что

владениям Ленинградского спорткомитета (ул. Халтурина, 22), где роскошный старинный театральный интерьер отдан энтузиастам аэробики, и под своды Общества по охране памятников...

Назвав эти несколько адресов, я не перечислил и десятой доли вполне пригодных, но не по-хозяйски используемых городом помещений.

В один из дней я был приглашен в Управление культуры Ленгорисполкома. Оказалось, что обеспокоенные паузой в работе студии зрители стали обращаться и туда, а я понадеялся для того, чтобы дать информацию для готовящегося зрителям вежливого ответа. После ряда доброжелательных переговоров в Управлении культуры я составил обстоятельную записку о положении дел, где, учтя студийный опыт, говорил о необходимости возобновить работу на новых организационных началах. Имелось в виду наличие своего помещения, а также своих административного и творческого штатов.

Вот уже более года записка эта вместе с соответствующими выкладками, расчетами и обоснованиями занимает свое достойное место среди управленческих бумаг. Правда, один из ответственных работников управления дружески советовал мне пойти на прием к еще более ответственному работнику, но в то же время дал понять, что организационно дело опять будет адресовано в Ленконцерт.

История пушкинской студии представляет собой опыт, ос-

атр дал бы скорый результат: ежевечернее звучание в его стенах пушкинского слова. Мемориальному Пушкинскому театру предстояло бы из года в год ставить и играть пьесы А. С. Пушкина, привлекая к своей работе новых исполнителей, режиссеров, вдумчивых исследователей — пушкинистов и художников; ему пришлось бы самым конкретным образом, то есть применительно к творчеству Пушкина, использовать все его теоретические положения о драме и театре. Из года в год более зрелые и опытные актеры могли бы передавать свой опыт молодым.

Вслед за пушкинской драматургией на ее опыте и в соответствии с ее законами театр мог бы расширить свой пушкинский репертуар за счет его прозы, эпической поэзии, лирики, исторических сочинений, писем...

Ставя то или другое из произведений Пушкина, театр, наконец, смог бы подходить к каждому из них не по отдельности, а как к части огромного и единого пушкинского мира...

Осуществленные на одной сцене сопоставления «Бориса Годунова» и исторических хроник Шекспира, «Маленьких трагедий» и русской классической стихотворной драмы и комедий А. С. Грибоедова, В. А. Жуковского, М. Ю. Лермонтова, А. А. Блока открыли бы возможности новых прочтений и новых выводов.

Теперь, в канун 150-летия со дня смерти А. С. Пушкина, когда активная перестройка всей культурной жизни стра-